

Посвящается Стелле

Глава первая. Миссия

1

Первым, с кем я заговорил по прошествии долгого времени, если не считать пары дежурных фраз, которыми я перебрался с хмурым таксистом в начале и в конце поездки, был худощавый смуглый юноша в ностальгической красной униформе коридорного. Я заметил его еще издали, когда такси, похрустывая шинами по гравию меж платанами, начало приближаться к конечному пункту длинной подъездной аллеи. Он сидел на мраморных ступеньках крыльца перед входом, обрамленным коринфскими колоннами, под золочеными буквами, составлявшими название «Гранд-отель “Европа”», и курил. Намереваясь помочь мне с багажом, он поднялся. Сожалея, что мой приезд прервал его перекур (а так оно и было), я сказал ему, отпустив такси, что багаж может подождать, что я проделал дальний путь и тоже не прочь выкурить сигаретку. Угостив его *Gauloises Brunes* без фильтра из голубой пачки, я дал ему прикурить от своей *Solid Brass Zippo*. На кепи коридорного золотыми нитями было вышито: «Гранд-отель “Европа”».

Мы сели и несколько минут безмолвно курили на ступеньках парадного входа некогда роскошного отеля, в котором я планировал временно обосноваться, как тут он прервал молчание.

— Прошу прощения за необузданное любопытство, — сказал он, — но смею ли я поинтересоваться, откуда вы?

Я выпустил дым в сторону облачка пыли — воспоминания, оставленного такси вдалеке, на кромке подъездной аллеи, переходящей в парк.

— На этот вопрос можно дать несколько ответов, — сказал я.

— Я бы с превеликим удовольствием выслушал все. Но если это отнимет у вас много времени, то выберите самый красивый из них.

— Основная причина, по которой я сюда приехал, заключается в том, что я надеюсь найти здесь время для ответов.

— Простите, что побеспокоил вас при выполнении столь важной миссии. Мне надлежало бы усвоить, что мое любопытство зачастую в тягость гостям, как утверждает господин Монтебелло.

— Кто такой господин Монтебелло? — спросил я.

— Мой босс.

— Консьерж?

— Он ненавидит это слово, хотя ему нравится его этимология. Он говорит, что оно происходит от французского *comte des cierges*, граф свечей. Всему, чему я научился, я, по сути, обязан господину Монтебелло. Он мне как отец.

— Как тогда лучше его называть?

— Он метрдотель, но предпочитает титул мажордома, поскольку в нем содержится слово «дом», и, стало быть, по его мнению, наша главная задача — сделать так, чтобы гости отеля позабыли, какое место они считали своим домом до того, как оказались здесь.

— Венецию, — сказал я.

Стоило мне произнести название этого города, как мне на брюки просыпался пепел от сигареты. Он заметил это и, прежде чем я успел возразить, снял белую перчатку, чтобы тщательно отряхнуть ею мою штанину. У него были худые смуглые руки.

— Спасибо, — поблагодарил его я.

— Что такое Венеция? — спросил он.

— Место, которое я считал своим домом до того, как оказался здесь, и самый красивый ответ на твой предыдущий вопрос.

— Какая она, Венеция?

— Ты никогда не был в Венеции? — спросил я.

— Я никогда нигде не был, — сказал он. — Только здесь. Вот почему, к неудовольствию господина Монтебелло, у меня выработалась привычка докучать нашим гостям своим любопытством. Я пытаюсь увидеть мир через их истории.

— Какое же место ты считал своим домом, прежде чем приехать сюда?

— Пустыню, — ответил он. — Но господин Монтебелло помог мне забыть о пустыне. Я благодарен ему за это.

Мой взгляд скользнул по территории отеля. Колоннада заросла плющом. Одна из высоких глиняных ваз, в которой клубилась бугенвиллея, треснула. Гравий перемежался сорняками. Веяло безмятежностью. Или, точнее сказать, смирением. Точно так же примираются с ходом времени и разного рода потерями.

— Венеция осталась в прошлом, — вздохнул я. — Надеюсь, что господин Монтебелло поможет и мне забыть о ней.

Я затушил сигарету в цветочном горшке, служившем нам пепельницей. Он сделал то же самое и вскочил, дабы позаботиться о моем багаже.

— Спасибо за компанию, — сказал я. — Можно спросить, как тебя зовут?

— Абдул.

— Приятно познакомиться, Абдул. — Я представился. — Пойдем внутрь. Пусть все начинается.

2

Даже если бы меня не предупредили о существовании мажордома, он при всем желании не смог бы остаться незамеченным. Стоило мне переступить порог его крепости и святилища, как он, пританцовывая, устремился мне навстречу. Он приветствовал меня с такими почестями, пируэтами и арабесками, что сомневаться не приходилось: передо мной — профессионал.

Он заранее выучил наизусть мое имя и тонко намекнул на свою осведомленность о том, что я именую себя писателем. Участливо интересуясь, не слишком ли утомительным был мой долгий вояж, он с ловкостью фокусника незаметно извлек откуда-то щетку для одежды,

чтобы привести в порядок плечи моего пиджака, и не преминул при этом похвалить покрой костюма. Словно чувствуя ответственность за все мироздание, он извинился за подозрительность, присущую современному обществу, обязывающему его соблюдать определенные формальности, которые, впрочем, по его заверению, вполне могли подождать, пока я не приду в себя после путешествия.

Когда я сказал, что, к сожалению, еще не знаю, сколь долго намерен здесь пробыть, и надеюсь, это не составит большой проблемы, он развеял мое беспокойство элегантным взмахом руки и поклялся в том, что иметь возможность считать меня гостем — это честь для заведения и удовольствие для него лично и что он лишь горячо желает, чтобы радость эта длилась бесконечно. Затем он наклонился ко мне и доверительным шепотом произнес, что положительно не хотел бы иметь привычку вмешиваться в чужие дела, но сейчас не в силах с собой совладать, поскольку заметил, что моя левая запонка ненадежно застегнута, и он себе не простит, если вследствие его деликатности я ее потеряю.

Он спросил дозволения сопроводить меня до специально подготовленного к моему приезду номера люкс. И выразил уверенность, что этот номер придется мне по вкусу, но если я обнаружу малейшие несовершенства, то он лично позаботится о том, чтобы все мои особые пожелания были незамедлительно исполнены. Он взял на себя смелость доставить в номер прохладительные напитки и легкую закуску. Не угодно ли мне проследовать за ним?

Господин Монтебелло, мажордом гранд-отеля «Европа», повел меня из вестибюля, где находились стойка регистрации и помещение для персонала, через высокие дубовые двери в просторное фойе с мраморными колоннами, откуда на верхние этажи поднималась массивная лестница. Он скользил по коврам с длинным ворсом точно фигурист, с легкостью разворачиваясь ко мне лицом, чтобы ответить на мои вопросы или поделиться любопытными подробностями, и, не сбавляя скорости, продолжал движение задним ходом. Если бы время от времени он не исполнял пируэт, чтобы дать мне возможность его нагнать, я бы с трудом за ним поспевал. Абдул с багажом следовал за нами.

— Слева у нас здесь библиотека, — сказал мой проводник, — а за ней — Зеленый зал и Китайская комната. В другом крыле расположены гостиная, зал для завтраков и наш скромный ресторан, в котором я забронировал для вас постоянный столик у окна с видом на перголу, розарий (или то, что от него осталось) и мерцающий за ними пруд. Фонтан, увы, вот уже несколько лет как вышел из строя, но смею вас заверить, что наш повар сделает все от нее зависящее, дабы сгладить это досадное недоразумение и настроить вас на благодушный лад.

В фойе висела фантастическая, захватывающая дух старинная люстра.

— Одна из наших жемчужин, — сказал мажордом, от чьего внимания не ускользала ни одна деталь, в том числе и мой интерес к люстре. — Только весьма прихотливая в обиходе вещица. Вы обратили внимание на портрет над камином? И наверняка узнали выразительно благородные черты Никколо Паганини. Я первым соглашусь с вами, если вы возьметесь утверждать, что по уровню живописи эта картина далеко не шедевр. Она создана достойным, но не столь именитым мастером, который даже при жизни не прославился тем, что опережал свое время. Тем не менее мы очень ею дорожим, потому что она была написана с натуры прямо здесь, в нашем отеле, где на пике славы скрипач-виртуоз останавливался проездом по пути к овациям и фурору в великих монарших дворах Европы. Предание гласит, что в этом фойе он по собственному желанию продемонстрировал свое искусство в знак признательности за превосходный *steak aux girolles*, который ему здесь подали. Это блюдо, переименованное с тех пор в «стейк Паганини», и по сей день является гордостью нашего меню. К сегодняшнему ужину мне было бы сложно порекомендовать вам нечто более изысканное.

Слева от камина висела акварель небольшого размера и скромных художественных достоинств с изображением площади Сан-Марко в Венеции. Я слегка опешил, увидев ее. Уверен, что мажордом заметил мою реакцию, но ничего не сказал, не воспользовавшись случаем процитировать Вергилия*. Перила мраморной лестницы были

* «Боль несказанную вновь испытать велишь мне...» Вергилий. Энеида. Кн. II. Пер. С. А. Ошерова. *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

украшены скульптурами мифических зверей: слева — химерой, справа — сфинксом.

— Наши гости могут спать спокойно, зная, что их номера должным образом охраняются, — сказал Монтебелло. — Чтобы подняться на верхние этажи, им следует пройти между гибридной формой проявления страха и коварным мурлыканьем загадывающей загадки киски, воплощающими, соответственно, не совсем оправданную самооценку мужчины и сущность женщины, если позволите развлечь вас своим дилетантизмом по части символики. Один из наших высокочтимых гостей однажды сказал мне, что, по его мнению, задача этих чудищ не в том, чтобы не впускать посторонних, а в том, чтобы помешать гостям добраться до выхода. С тех пор как он это сказал, прошли годы, и он все еще здесь. Его зовут господин Пательский. Вы еще с ним познакомитесь. Полагаю, вы оцените его компанию. Он выдающийся ученый.

Вверху, на лестничной площадке, стояла громоздкая ваза с искусственными цветами.

— Знаю, — сказал мажордом. — Я таил тщетную надежду, что вы не заметите. Настоятельно призываю вас проявить великодушие и принять мои глубочайшие извинения. Это выбивающееся из ансамбля украшение — досадное проявление излишнего энтузиазма нового владельца.

— У отеля поменялся владелец? — спросил я.

— Гранд-отель «Европа» перешел в руки китайцев. Нового хозяина зовут господин Ванг. Это событие свершилось недавно, так что пока еще рано судить о последствиях. Господин Ванг решительно заявил о своем намерении вернуть отелю его былое великолепие, используя для этого финансовые возможности, которыми, как представляется, он располагает. Вы наверняка обратили внимание, что кое-где требуется ремонт. Да и гостей у нас ныне не так много, как прежде. Господин Ванг собирается исправить это положение вещей. Он стремится к максимальной заполняемости. Обо всем этом я склонен судить положительно. С другой стороны, подобная ваза с искусственными цветами вызывает сомнения в приверженности нового владельца нашим традициям. Однако мне не хочется утомлять вас

своими заботами. Вот мы и пришли. Пожалуйста в приготовленный для вас номер 17 класса люкс. Единственное, с чем вам следует считаться, — это французские двери на террасу, которые не закрываются должным образом. В случае сильного ветра советую прислонить к ним стул. А сейчас я оставлю вас в покое, чтобы вы смогли переодеться и восстановить силы. Если вам что-то понадобится, достаточно дернуть за шнурок колокольчика, висящего рядом с дверью. Желаю вам приятного пребывания в гранд-отеле «Европа».

3

Роскошно. Мой люкс был роскошным не потому, что представлял собой безукоризненный гостиничный номер, а как раз потому, что таковым не был. Он воплощал в себе не очередной бездушно-рациональный проект дизайнера интерьера, а обреченно вздыхающее, пышное изобилие следов богатого исторического прошлого. Соседствующие в нем убранства самых разных эпох в изумлении созерцали друг друга.

Бордовое кожаное кресло «Честерфилд» в прихожей располагалось бок о бок с обитым темно-розовым бархатом стулом в стиле Людовика XV с мотивом из роз и примерно такого же цвета подставкой для ног рядом с декоративным столиком восемнадцатого века, отделанным ажурной резьбой. На столе в углу помещался массивный бакелитовый радиоприемник с посеребренным частотным регулятором, на котором были выгравированы названия радиостанций предвоенного времени. С подходящим трансформатором его, вероятно, еще можно было бы вернуть к жизни. Только теперь он передавал бы совсем другую музыку. В спальне доминировала чудовищная кровать неопределенного исторического периода с четырьмя позолоченными колоннами в египетском стиле, на которых покоился балдахин из темно-красного бархата с вышитыми на нем золотыми звездами. Кто знает, сколько вздохов и нашептанных секретов

таилось под этой звездной пылью? В ванной комнате с габаритным зеркалом в позолоченной раме рядом со старинной эмалированной ванной на бронзовых ножках в форме львиных лап с явным нежеланием была установлена современная душевая кабина.

Складывалось впечатление, что многие предметы оказались в номере по воле случая: старые книги, медный колокольчик, тяжелая пепельница в виде половины небесного свода, удерживаемой на плечах Атласа, череп мыши, всяческие письменные принадлежности, монокль в футляре, чучело сипухи, каттер для сигар, компас, варган, кукла ваянг, латунная ваза с павлиньими перьями, сифон, деревянный монах, служивший для колки орехов. Неясно, призваны ли они были вписываться в некую единую декоративную концепцию либо составляли элементы нескольких разнородных замыслов по обустройству интерьера, реализованных по ходу истории лишь наполовину, без того чтобы их авторы удосужились устранить результаты аналогичных попыток своих предшественников, или же то были вещи, забытые прежними постояльцами, по сей день не убранные горничными из философских соображений, что история формирует настоящее вследствие рассеянного накопления случайных осадочных отложений, не подлежащих упразднению.

Одобрительно проведя рукой по золоченым панелям, почувствовав на ощупь толщину ткани тяжелых охристых портьер и отодвинув стул, дабы открыть французские двери на террасу с видом на розарий (или то, что от него осталось) и пруд с недействующим фонтаном, я подумал, что у меня еще будет достаточно времени для подробного описания этого номера. Здесь было хорошо, если не идеально, и я не видел причины, почему бы не остаться в отеле до тех пор, пока не решу, куда двигаться дальше.

Дорогой широченный письменный стол из эбенового дерева, элегантно инкрустированный более светлыми породами древесины, поставленный перед окном у французских дверей на террасу, в паре со скромным, но добротным и удобным деревянным стулом тридцатых годов я заметил сразу по приходе. Еще до того, как развесить в шкафу спальни костюмы и рубашки, я исполнил ритуал по разметке стола в качестве своей личной территории. Слева сложил в стопку

привезенные с собой чистые тетради, рядом разместил перьевую ручку и любимые черные чернила, которые всегда должны были быть под рукой. Вынув из чехла макбук, я установил его на правой стороне стола и подключил к розетке.

Ведь я приехал в гранд-отель «Европа» не для того, чтобы тоскливо коротать время посреди увядшей роскоши и угаснувшего великолепия в пассивном ожидании момента, когда на меня вдруг снизойдет спасительное озарение, похожее на лепесток цветка, упавший из пожелтевшего букета. Этого озарения я хотел добиться собственным трудом, а значит, надо было приниматься за работу. Мне требовалось навести порядок в воспоминаниях, преследовавших меня будто рой разъяренных пчел и блокировавших мою мысль. Если я действительно хотел забыть Венецию и все произошедшие там события, мне следовало для начала как можно точнее восстановить их в памяти. Тот, кто не вспомнит всего, что стремится предать забвению, рискует позабыть выкинуть из головы определенные вещи. Мне надлежало все записать, хотя я понимал, что потребность излить душу «боль несказанную вновь испытать велит», выражаясь словами Энея, обращенными к Дидоне. Тем не менее, чтобы подвести итог, я должен был изложить свою исповедь на бумаге. Не бывает предназначения без ясности о происхождении, и нет будущего без внятной версии прошлого. Мне легче думается с ручкой в руке. Чернила проясняют ум. Только записав то, что случилось, я способен восстановить контроль над своими мыслями. С этой целью я сюда и приехал.

Откладывать выполнение означенной миссии в долгий ящик не имело смысла. И делу бы конец, и с плеч долой*. Я наметил для этого следующее утро.

А пока я зашел в спальню и упал на фривольную кровать с балдахинном. Она восторженно отозвалась, задорно пружиня подо мной, как умеют пружинить только гостиничные кровати. С чего же мне начать свой рассказ? Логичнее всего было бы начать с начала. Я глядел на звезды в темно-красном небе у себя над головой. Начало может подождать, решил я. Перво-наперво стоит вспомнить тот момент,

* Уильям Шекспир. Макбет. Пер. Б. Пастернака.

когда я был окрылен самыми радужными надеждами. Так же как осуществление моей миссии началось с прибытия в гранд-отель «Европа», реконструкция моих воспоминаний откроется прибытием в Венецию. Я увидел перед собой тонущий город, ощутил приливную волну прошлого и погрузился в глубокий сон.